

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017125-0

О семантической непрерывности: поле ‘толкать’ в славянских языках

© 2021 г. А. Ю. Шерстюк

Аспирант школы по филологическим наукам
Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
asaveleva@hse.ru

© 2021 г. Т. И. Резникова

Кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
treznikova@hse.ru

Резюме. Данная работа посвящена лексико-типологическому исследованию семантического поля ‘толкать’ на материале 8 славянских языков. В статье рассматриваются случаи пересечения зоны каузированного перемещения объектов со смежными полями. Анализ показывает, что лексическая смежность встречается на двух уровнях. Во-первых, на синхронном уровне: лексемы, являющиеся частью одного поля, покрывают значения из смежной зоны. Во-вторых, в диахронической перспективе, когда глаголы в результате исторических изменений становятся частью другого поля, утрачивая исходную семантику.

Ключевые слова: лексическая типология, глаголы каузации движения, фреймовый подход, лексическая смежность.

Благодарность. Исследование выполнено при частичной поддержке РФФИ, грант 20-012-00240.

Для цитирования: Шерстюк А.Ю., Резникова Т.И. О семантической непрерывности: поле ‘толкать’ в славянских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 5. С. 21–33. DOI: 10.31857/S241377150017125-0

On Semantic Continuity: the Domain of ‘Pushing’ in Slavic Languages

© 2021 Alina Yu. Sherstyuk

Postgraduate student of the School in Philological Sciences at the HSE University,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
asaveleva@hse.ru

© 2021 Tatiana I. Reznikova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the HSE University,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
treznikova@hse.ru

Abstract. The paper examines the semantic domain of ‘pushing’ on the material of 8 Slavic languages. We focus on the cases where the zone of caused motion intersects with adjacent fields. The analysis shows that lexical contiguity occurs at two levels. First, at a synchronic level: lexemes that refer to a caused motion event

may also cover meanings from an adjacent zone. Second, in a diachronic perspective: as a result of historical changes, verbs may lose their source semantics, completely shifting to a contiguous field.

Key words: lexical typology, verbs of caused motion, frame approach, lexical contiguity.

Acknowledgments: This study was partly funded by the RFBR, project No. 20-012-00240.

For citation: Sherstyuk, A.Yu., Reznikova, T.I. *O semanticheskoy nepreryvnosti: pole 'tolkat' v slavyanskikh yazykakh* [On Semantic Continuity: the Domain of 'Pushing' in Slavic Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 5, pp. 21–33. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017125-0

1. Введение

Наши представления о лексике естественных языков в значительной степени опираются на идею о ее семантической классифицируемости, т.е. о существовании групп слов, объединенных общими семантическими признаками. Эта идея находит отражение как в теоретических лингвистических построениях (в частности, базовые эволюционные процессы в семантике противопоставляются на основе понятия семантического класса: метонимия понимается как сдвиг в пределах одного класса, а метафора — как переход из одного класса в другой, см. [1]), так и во множестве прикладных разработок, ср., например, тезаурусы или онтологии типа WordNet, которые применяются при решении самых разнообразных практических задач.

Теоретическим обоснованием для разбиения лексики на классы служит концепция семантического поля, предложенная в начале 30-х годов прошлого века Й. Триром [2]. Восходящая к идеям структурализма, эта теория предполагает, что лексика состоит из замкнутых множеств лексем с четко очерченными границами. Эти множества (семантические поля) не пересекаются и не оставляют “зазоров”, т.е. каждое слово языка принадлежит к одному определенному полю. Конечно, в диахронии значение лексемы может изменяться, но подобные изменения обсуждаются у Трира только в связи с реструктуризацией полей: семантический сдвиг одного слова влечет за собой изменения в семантике всех остальных слов, относящихся к данному полю, и тем самым изменения в структуре поля в целом. Иными словами, даже при семантическом сдвиге слово остается в границах своего изначального поля, только расширяет или сужает “сферу покрытия”.

Итак, одним из основных положений теории семантического поля является представление о жесткости границ между семантическими группами, и хотя позднее эта идея неоднократно подвергалась критике (см., например, [3]; [4]), все же научная метафора семантического поля прочно

вошла в метаязык лингвистических описаний. Действительно, исследователи оперируют такими понятиями, как “глаголы движения” или “прилагательные размера”, “имена эмоций” или “наречия степени”, как бы подразумевая, что речь идет об однозначно определяемых классах, противопоставленных прочим подобным группам.

Правда, в когнитивной парадигме нарушение границ допускается, но при этом имеется в виду один специальный тип такого нарушения — метафорический сдвиг. Как мы уже упоминали, он трактуется как переход из одного поля в другое. Обратим внимание, что внутренняя форма слова “переход” не вполне отражает тот процесс, который наблюдается в подобных случаях. Речь идет не о постепенном перемещении, а скорее о “скачке” в новое поле: лексема начинает употребляться в исходно не свойственных ей контекстах и тем самым сразу переосмысливается как элемент другого класса (см. в этой связи интерпретацию метафорических сдвигов у Е.В. Падучевой [5]). Так, если при глаголе падения в качестве субъекта выступает наименование шкалы, то — в соответствии с классической моделью LESS IS DOWN [1] — он становится глаголом количественного изменения, ср. *чашка упала — температура упала*.

Между тем, проницаемость границ между полями заведомо не ограничивается метафорическими “скачками”. Выясняется, что она часто обусловлена явлениями, происходящими собственно на границах семантических зон. Дело в том, что одна и та же ситуация нередко совмещает в себе несколько аспектов и тем самым может быть описана с разных точек зрения. Например, “тугая веревка” предполагает, с одной стороны, что ее сильно натянули, с другой — что она оказывает сопротивление при внешнем воздействии. Ситуация падения подразумевает, во-первых, перемещение сверху вниз, а во-вторых, столкновение падающего объекта с поверхностью. Языковой способ описания такой комплексной ситуации может “высвечивать” тот или иной ее аспект, причем различным описаниям нередко соответствуют лексемы из разных семантических полей.

Так, в случае падения за перемещение «отвечает» глагол движения, а за удар — глагол контакта, тем самым поле движения и контакта оказываются смежными применительно к ситуации падения.

Подобная смежность дает любопытные эффекты в типологической перспективе. Оказывается, что конкретный язык может отдавать предпочтение какому-то одному из способов лексикализации ситуации, так что различные предпочтения такого рода в итоге обуславливают межъязыковую вариативность. Например, если в русском падение ключей на землю выражается скорее глаголом *упасть* (лексема *удариться* в этом случае будет профилировать звук столкновения с землей), то в шугнанском в конструкции «ключи упали на землю» выбирается глагол *ḍēdow* «ударить» (при том что лексема с семантикой «падать» — *wēxtow* — тоже существует в системе, просто она выступает преимущественно в контекстах, указывающих на начальную точку падения, ср. «ключи выпали из кармана»), см. [6].

Таким образом, получается, что одна и та же ситуация может концептуализоваться как часть разных семантических полей. Понятно, что подобные факты противоречат представлению о полях как о закрытых множествах с четко очерченными границами. Как мы видим, поля в значительной степени накладываются друг на друга, стирая межполевые границы, и одной из актуальных задач семантики является обнаружение случаев такой смежности. Эффективным инструментом для этого, как показывает пример из шугнанского, может стать типологический подход к исследованию семантических полей. И действительно, первые шаги в этом направлении выявили множество фактов межъязыковой вариативности в лексикализации одних и тех же ситуаций, см. о других случаях в зоне падения в [7], а также о позах и положениях тела в [8].

В настоящей работе мы продолжим исследования смежности семантических полей. В Разделе 2 мы подробнее обсудим материал, который мы изучали в отношении эффектов смежности, и методику его анализа. Этот материал позволит нам рассмотреть два типа случаев: во-первых, явления, отражающие смежность на синхронном уровне (т.е. лексем, которые, будучи частью одного поля, могут покрывать значения из смежного поля) — о них пойдет речь в Разделе 3, а во-вторых, случаи диахронической смежности (когда глагол, исторически относившийся к одному полю, в результате диахронических изменений стал частью смежного поля, утратив исходную семантику) — такие примеры мы рассмотрим

в Разделе 4. Наконец, в Заключении мы подведем основные итоги исследования.

2. Материал

Мы поговорим о нарушении границ семантических полей на материале глаголов, выражающих каузацию движения, синхронного воздействию (см. об этом классе в [5]). Нас будет интересовать подгруппа этих глаголов — лексем, описывающие движение от субъекта (ср. рус. *толкать*). Ранее мы уже рассматривали это поле в более широкой типологической перспективе, см. результаты анализа этой зоны, а также поля «тянуть» в [9]. Для настоящего исследования мы используем другой — несколько специфический для типологии — материал генетически близких идиомов, а именно данные 8 славянских языков: русского, украинского, болгарского, сербского, хорватского, македонского, чешского и польского.

Обычно, как известно, типология избегает родственных связей внутри анализируемой выборки. Предполагается, что общие модели, которые обнаружатся в таких данных, могут быть обусловлены не типологической регулярностью соответствующего явления, а их происхождением из общего источника. Тем не менее исследования в сфере лексики неоднократно доказывали, что на уровне словаря системы родственных языков значительно расходятся (см. [10]–[13]), так что для лексической типологии ограничения на состав выборки не столь принципиальны. Для нашей же задачи родственные языки, напротив, задают даже определенное преимущество: нередко оказывается, что когнаты, т.е. лексем, этимологически восходящие к одному слову, в результате семантической эволюции оказываются в различных полях, связанных отношением смежности. Таким образом, родственные языки могут дать дополнительный материал для анализа интересных нас явлений.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике глаголов поля «толкать», кратко обозначим основные методологические установки, которых мы придерживаемся в своем исследовании. В процессе работы с языковым материалом мы опирались на фреймовый подход, широко применяемый представителями Московской лексико-типологической группы (см. [14]). В основе этой методики лежит анализ сочетаемости слов, по результатам которого выделяются ситуации, прототипические для лексем исследуемого поля (т.е. фреймы). Выявленные таким образом фреймы затем используются при составлении анкеты-опросника, необходимой для работы с информантами. Анкета представляет собой

предложения с пропусками на месте интересующих нас глаголов, ср., например: *Мама уложила все книги в коробку и принялась _____ её перед собой к двери*. Носителям анализируемых языков предлагается вставить подходящий по смыслу глагол в предложение. Если информация, полученная из анкеты, оказывается в каких-то отношениях неполной или трудно интерпретируемой, мы имеем возможность уточнить данные, вступая в непосредственный диалог с носителями.

Параллельно с опросом носителей осуществляется корпусный анализ лексем, относящихся к изучаемому полю, а также проверяется вся словарная информация, доступная для этих единиц. В ходе настоящей работы мы использовали Национальный корпус русского языка, корпуса славянских языков семейства TenTen, а также ruSkel на платформе Sketch Engine, Национальный корпус чешского языка, корпус текстов украинского языка Мова (см. [15]–[19]). Кроме того, были задействованы электронные толковые и этимологические словари (см. [20]–[31]).

Оговоримся, что для целей настоящего исследования нас будут интересовать только физические смыслы глаголов поля 'толкать'. Ядерным для этой зоны мы считаем следующее значение: 'У, применяя силу, перемещает Х от себя при помощи рук', где У — это агенс (одушевленный субъект), а Х — пациенс (одушевленный или неодушевленный объект). В прототипическом случае Х характеризуется большим весом, он перемещается в горизонтальной плоскости, не отрываясь от поверхности, и У перемещается вместе с Х. В следующем разделе мы обсудим ситуации, которые оказываются смежными с описанной.

3. Синхронная полисемия

Лексическая смежность в зоне 'толкать', как и во многих других случаях, обусловлена наличием внутри этой ситуации нескольких фаз:

- начальная фаза — контакт: субъект воздействует на объект с помощью рук;
- срединная фаза — перемещение: субъект передвигает объект перед собой;
- конечная фаза — результат: объект оказывается в конечной точке перемещения.

Ядерной для семантики толкания является срединная фаза — именно она определяет принадлежность глаголов этой зоны к полю каузированного перемещения. Между тем, начальная и конечная фазы сближают толкание с другими семантическими классами. Для начального этапа наблюдается смежность с зоной контакта

(ср. глаголы 'касаться', 'трогать', 'целовать', 'тыкать' и др.). Завершающий этап значим для нас при особом типе конечной точки — если в результате перемещения объект попадает в контейнер. Соответственно, 'толкать' здесь оказывается смежным с глаголами помещения в контейнер (ср. 'класть', 'совать' и др.).

Если при описании ситуации профилируется ее начальная или конечная фаза, то идея перемещения часто оказывается нерелевантной для ее семантики, и тем самым ситуация может интерпретироваться как часть смежного поля. Рассмотрим последовательно случаи, касающиеся двух крайних точек.

3.1. Начальная фаза: контакт

Чтобы начать 'толкать' объект, субъект должен к нему прикоснуться, применив при этом силу, — это прикосновение и приводит объект в движение. Семантика контакта встроена в значение глаголов рассматриваемого поля, однако в общем случае она присутствует в высказывании лишь имплицитно, ср. употребление русского *толкать* в (1) — понятно, что при перемещении человека перед собой солдаты должны периодически дотрагиваться до него руками, тем не менее эта идея не находится в фокусе высказывания:

(1) *Вдруг он увидел, как конвой из двоих солдат толкал вперёд по коридору скованного в наручниках человека* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // "Октябрь", 2001].

Сходные употребления характерны и для польского глагола *pchać*. Эта лексема является ядерной для анализируемого семантического поля, тем самым в прототипическом случае она профилирует срединную фазу ситуации — идею каузируемого перемещения. Начальная фаза — прикосновение субъекта к объекту — выражена в примере (2), как и в случае русского *толкать* в (1), лишь имплицитно:

(2) *Przez cały dzień po ulicy obok slumsów imigranci pchają rowery z przyczepkami wypełnionymi złomem, plastikiem lub makulaturą* [Marek Nowak: Obcy w mieście, Polityka, 2005, nr 2490]. 'В течение всего дня иммигранты толкают велосипеды с прицепами, заполненными металлоломом, пластиком или макулатурой, по улице рядом с трущобами.'

Тем не менее в определенных контекстах семантика русского и польского глаголов может несколько смещаться, в результате чего в фокус попадает именно начальная фаза ситуации. Заметим, что такое смещение коррелирует с морфологическими свойствами глагольной словоформы: оно возможно только у дериватов

с семельфактивным суффиксом *-ну/-на-* (*толкнуть* / *pchnąć*). Напротив, имперфективные формы, как в примерах (1), (2), обычно получают в случае 'толкать' мультипликативную интерпретацию (многократно повторяется фрагмент контакт-перемещение), которая предопределяет профилирование семантики постепенного перемещения.

Существенно, что "масштаб" семантического сдвига, который претерпевают глаголы при профилировании начальной точки, различается для русского *толкать* и польского *pchać*. В русском сдвиг ограничивается смещением фокуса: выделенным становится контакт субъекта с объектом, при этом перемещение объекта, хоть и уходит в тень, все же обычно сохраняется в ситуации и нередко эксплицируется в более широком контексте.

(3) *Тот грубо толкнул его в плечо, выпихивая из спальни, оттесняя к лестнице, молча указывая подбородком — убирайся, пошел вон!* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

Правда, в подобных случаях субъект уже не перемещается вместе с объектом, так что ситуация в целом несколько отличается от прототипа, и тем не менее такой семантический сдвиг вполне укладывается в определение метонимии как перепрофилирования ситуации (ср. [32]; [33]).

Между тем, в польском выделение начальной фазы может приводить к более серьезному сдвигу: в некоторых контекстах исходная идея перемещения полностью утрачивается. Этот эффект особенно заметен в конструкциях, в которых при интересующих нас глаголах выступают имена со значением инструмента.

Так, в польском наряду с прототипическими употреблениями *pchać* / *pchnąć*, где речь идет о перемещении объекта и сопровождающем его движении субъекта (см. (2) выше, а также (4)), возможны употребления типа (5), которые описывают удар при помощи инструмента:

(4) *Niezbale pcha swój wózek bagażowy* [Sketch Engine]. 'Он небрежно толкает багажную тележку.'

(5) *Watson najpierw pchnął go nożem, a potem kilka razy strzelił z bliska* [Sketch Engine]. 'Ватсон сначала ударил его ножом, а затем несколько раз выстрелил с близкого расстояния.'

От исходной семантики *pchać* / *pchnąć* в (5) остается только начальная фаза — контакт субъекта с объектом (в данном случае этот контакт реализуется при помощи инструмента), тогда как идея результирующего перемещения объекта полностью утрачивается. Соответственно,

рассматриваемый предикат в таких контекстах уже не относится к полю каузированного движения, а переходит в семантическую зону контакта, нарушая межполевые границы. Это означает, в свою очередь, что данный семантический перенос нельзя квалифицировать как простую метонимию — ведь метонимический сдвиг должен происходить в пределах одного поля.

Конечно, в польском функционируют и специализированный глагол с семантикой удара, ср. *uderzyć* 'ударить'. Тем не менее способность *pchnąć* 'толкнуть' встроиться в этот ряд, особенно заметная в сопоставлении с материалом русского языка, принципиальна для нас как еще одно доказательство проницаемости границ между семантическими полями.

Закономерно, что глагол с семантикой 'толкать' в зоне контакта занимает нишу агрессивного воздействия. Это значение явно наследуется из представления о силе, которую применяет субъект в исходной ситуации перемещения объекта. Семантика агрессии характерна и для переносных употреблений чешского глагола *strkat* / *strčit* 'толкать'. Как и польский *pchać* / *pchnąć*, этот глагол является ядерным для зоны 'толкать' и способен выступать в прототипических контекстах, выражающих каузированное перемещение объекта, синхронное воздействию, ср.:

(6) *Jak se mu bude líbit, až bude jedna sestra strkat svoje dvojče celý život v invalidním vozíku?* [Glosbe]. 'Как ему понравится, когда одна из близняшек будет толкать инвалидную коляску своей сестры всю оставшуюся жизнь?'

Однако если в позиции объекта выступает инструмент с острым кончиком или квазиинструмент ('палец'), то ситуация интерпретируется не как перемещение, а как воздействие. Правда, обратим внимание, что чешская конструкция существенно отличается от польской: пациенс ситуации (тот, на кого направлено воздействие) кодируется не как объект (эту позицию, как мы говорили, занимает актант с ролью инструмента), а как конечная точка перемещения, ср. *strkat prst na osobu* 'тыкать пальцем [букв. "палец"] в человека', а также (7), (8):

(7) *Načež za ním po chvíli vyběhne jeho kolegyně lékařka: "No jo, měl jsi pravdu, tak pojď, musíme to vyřešit!" A strčí mu do ruky dvacetimetrovou jehlu* [Sketch Engine]. 'Затем, через некоторое время, его коллега-врач бежит за ним: "Ну, вы были правы, так что давайте, мы должны разобратся!" И он проткнул 20-дюймовой иглой ему руку.'

(8) *Myslíš, že by dokázala strčit chlapovi šroubovák skrz krk?* [Sketch Engine]. 'Как ты думаешь, она могла воткнуть отвертку мужчине в шею?'

Хотя формально глагол *strkat / strčít* в подобных контекстах содержит отсылку к движению (инструмент перемещается в руках у субъекта), тем не менее по своей семантике эти примеры очень близки к польским контекстам типа (5). Действительно, в (5) нож тоже перемещается, просто это движение не может интерпретироваться как часть исходного значения глагола, поскольку нож не выступает в позиции прямого объекта, а кодируется инструментальным падежом. В (7), (8) модель управления глагола иная, но, по сути, ситуация мало чем отличается от польской, так что в случае чешского *strkat / strčít* тоже можно говорить о нарушении межполевых границ и переходе глагола из зоны каузированного перемещения в поле контакта.

3.2. Конечная фаза: помещение в контейнер

Результат перемещения может попадать в фокус высказывания, только если эксплицитно задана конечная точка, в которой оказался или должен оказаться объект. Для зоны 'толкать' имеется один выделенный тип конечной точки — контейнеры. Как показывает материал исследованных языков, указание на контейнер как цель перемещения существенно изменяет семантику рассматриваемых глаголов. Во-первых, модифицируются свойства прототипического объекта: как правило, речь уже не идет о тяжелом, неподъемном предмете, который перемещается в контакте с поверхностью. Объектами могут выступать самые разные сущности, в том числе и легкие — например, одежда, бумаги и т.д. Во-вторых, сама идея каузированного движения уходит на второй план: профилированной оказывается фаза помещения в контейнер, так что предшествующая стадия — перемещение — значима здесь не более, чем для других глаголов помещения объекта (ср. 'класть', 'ставить'). Таким образом, в контекстах с конечной точкой-контейнером глаголы зоны 'толкать', опять же нарушая межполевые границы, переходят из поля каузированного перемещения в смежный семантический класс.

Исходная семантика толкания при этом обуславливает специфику результирующего значения в зоне помещения в контейнер. Дело в том, что в производном употреблении сохраняется изначальное представление о силе, которую применяет субъект в процессе действия, только в случае с контейнером причины ее применения интерпретируются иначе. Если помещение в контейнер требует усилий со стороны субъекта, это означает, что либо в контейнере недостаточно места, либо входное отверстие контейнера меньше самого объекта.

Славянские глаголы зоны 'толкать' регулярно расширяют свою семантику за счет ситуаций с контейнером. Так, в русском сразу две лексемы претерпевают подобный сдвиг, ср. *толкать* и *пихать*. Более характерны подобные употребления для *пихать*, ср. (9) (заметим, что помещение в контейнер даже указывается у этого глагола отдельным значением в словаре, (см. [20])), однако и для *толкать* можно встретить контексты такого рода, ср. (10) (хотя гораздо чаще в этой функции выступает его специализированный префиксальный дериват *заталкивать*, ср. (11)).

(9) Я беру из вазы две карамельки и *пихаю* в карман [Р.С. Вереск. Воровка // "Волга", 2011].

(10) Наталья торопливо собирала документы, оставшиеся деньги, *толкала* в пакет [В.М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // "Волга", 2016].

(11) Я драл иглы, ломал целые ветки на куски, не обдирая коры, и *заталкивал* добычу в мешок [В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)].

Наиболее близким синонимом *пихать* и *толкать* в подобных употреблениях является глагол *совать*, специализирующийся как раз на помещении в контейнер (об этом глаголе см. [34]) — эта семантическая близость служит еще одним свидетельством перехода анализируемых лексем через границы семантического поля.

Аналогичный переход характерен и для украинских глаголов *штовхати* 'толкать' и *пхати* 'пихать'. Исходно оба предиката выражают каузируемое перемещение, ср. *штовхав перед себе возика* 'толкал перед собой тележки', а также (12):

(12) Поліцаї беруть його за лікті і *пхають* на східці [29]. 'Полицейские берут его за локти и *толкают* по ступенькам.'

Смещаясь в поле глаголов помещения, украинские лексемы, как кажется, "проникают" в нее еще глубже, чем их русские корреляты. Так, *штовхати* применим к ситуации 'сунуть руки в карманы', которую не покрывает русский *толкать*:

(13) Руки в даному випадку краще всього завести за спину, але ні в якому разі не потрібно їх *штовхати* в кишені, так як це фігурі на фотографії додасть скутість і безжиттєвість [Sketch Engine]. 'Руки в данном случае лучше всего завести за спину, но ни в коем случае не нужно их *совать* в карман, так как это фигуре на фотографии придаст скованность и безжизненность.'

В свою очередь, *пхати* распространяется на контексты, в которых уже стирается идея тесноты контейнера и, соответственно, силы, необходимой для преодоления этого препятствия, ср.

(14), где описывается опускание рук в реку, — естественно, в этом случае ситуация не предполагает нехватки места в контейнере:

(14) *Як той рибалка, що йому вирветься з рук жива риба й шубовсне в ріку, то він у нестямі пхає руки в воду, чи не вдасться ще рибу піймати, так вони оба пробували найти ящірку в траві* [Лесь Мартович. Забобон (1909–1911) / Лесь Мартович. Суєверие (Г. Шипов, 1951)]. 'Как рыбак, у которого вырвется из рук живая рыба и выскользнет в речку, лезет, не помня себя, руками в воду [букв. "пихает руки в воду"]', в надежде еще поймать ее, так и эти оба пытались найти ящерицу в траве.'

Таким образом, и русские, и украинские лексемы рассматриваемого поля претерпевают семантический сдвиг, приводящий их в зону помещения в контейнер, причем украинские глаголы дальше отстоят от исходного значения каузированного движения, чем их русские аналоги. Следующий потенциальный шаг в этой эволюции — утрата лексемой исходной семантики: глагол может перестать употребляться в контекстах, описывающих перемещение тяжелого объекта перед собой, и использоваться только в значении 'помещать в контейнер'. Именно этот этап представляет болгарский когнат русского *пихать* и украинского *пхати* — глагол *пхвам / пхна*.

В отличие от своих восточнославянских когнатов болгарская лексема не выступает в прототипических контекстах зоны 'толкать': среди физических значений она реализует только семантику, связанную с конечной точкой-контейнером:

(15) *Разтърквах пръстите и дланите си, пхах ръце в джобовете на балтона, но студът като че проникваше и през шаяка и щипеше болезнено* [Г. Караславов. Избр. съч. VIII, 221.]. 'Я потер пальцы и ладони, засунул руки в карманы пальто, но холод, казалось, проникал сквозь одежду и больно щипал.'

Но наряду с *пхвам / пхна* семантику помещения в контейнер могут выражать и глаголы, относящиеся к ядру зоны 'толкать'. Лексемы *тикам* и *бутам*, с одной стороны, описывают перемещение объекта перед собой, ср.:

(16) <...> *тикаше пред себе си маса на колелца* [Павел Вежинов. Сините переперуди (1965) / Павел Вежинов. Синие бабочки (Р. Белло, 1972)]. '<...> толкал перед собой стол на колесах'.

(17) *Но днеска нямам никакво желание да бутам кола* [Павел Вежинов. Нощем с белите коне (1975) / Павел Вежинов. Ночью на белых конях (Л. Лихачева, 1978)]. 'Но сегодня у меня нет ни малейшего желания толкать машину.'

С другой стороны, эти глаголы могут употребляться и в ситуациях с контейнером, причем, как и украинские *штовхати* и *пхати*, они

накладывают менее строгие ограничения на тип контейнера, чем русские *толкать* и *пихать*. В частности, в роли конечной точки может выступать 'карман' (ср. в этой связи сочетаемость в русском: для *толкать* карман не является подходящим контейнером — **толкать в карман*; *пихать* же в этом контексте обязательно имплицитно подразумевает нехватку места, т.е. речь должна идти либо о набитом, либо об очень маленьком кармане (18) — между тем, для болгарского примера (19) величина контейнера нерелевантна). Тесноту контейнера не подразумевает и *тикам* в (20), где эта лексема выступает фактически как нейтральный глагол помещения в контейнер.

(18) *Потому что если пихать в карман батарейку одновременно с телефоном, то теоретически батарейка может поцарапать телефон* [Sketch Engine].

(19) *Пиян шофьор бута пари в полицейски джоб* [Sketch Engine]. 'Пьяный водитель сует деньги в карман полиции.'

(20) *Тикам тетрадите в чантата* [Sketch Engine]. 'Я кладу тетради в сумку.'

Итак, болгарский материал, во-первых, отражает ту же модель нарушения межполевых границ, что и русские и украинские глаголы зоны 'толкать', а во-вторых, в рамках все той же модели дает пример, так сказать, полного перемещения глагола из одного поля в другое.

До сих пор мы говорили о глаголах, основное значение которых связано с каузированным движением. Между тем, переход в зону помещения в контейнер обнаруживают и некоторые другие глаголы со смежным значением. В частности, судя по нашим данным, семантику 'положить во что-то' могут развивать глаголы воздействия острым / остроконечным инструментом. Напомним, это значение мы обсуждали в Разделе 3.1 как производное для глаголов толкания и тем самым смежное с ним. Оказывается, что лексемы, у которых значение точечного воздействия на синхронном уровне первично, тоже иногда попадают в поле помещения в контейнер, т.е. два поля, смежных с толканием, оказываются смежными и между собой.

Так, болгарский *мушкам* исходно означает 'ударять, колоть, тыкать чем-то острым', ср.: *мушкам с нож* 'колоть ножом', *мушкам с пръст* 'тыкать пальцем', а также (21):

(21) *Но той не можа да си обясни упорството ми и започна много болезнено да ме мушка във врата с остра желязна пръчка* [Александър Беляев. Хойти-Тойти (Златко Стайков, 1988)]. 'Но он не мог понять моего упорства и начал очень больно ударять заостренной железной палочкой мне в шею.'

Обратим внимание, что место контакта кодируется именной группой с предлогом *в(ъвѣ)*, т.е. для этого участника характерно то же маркирование, что и для контейнера как цели движения. Возможно, именно это обстоятельство и способствует переинтерпретации конструкции: если в составе такой именной группы выступает контейнер (ср. что-то типа 'тыкать в сумку'), то все выражение осмысливается как помещение внутрь этого пространства. Существенно, что такое переосмысление — в полном соответствии с основными положениями Грамматики конструкций (см., например, [35]) — провоцирует и изменение формальных свойств конструкции в целом.

При "контейнерном" понимании глагола инструмент — именная группа с предлогом *с* — обычно не выражается, а участник в позиции прямого объекта, как правило, утрачивает одушевленность: это уже не человек, подвергающийся агрессивному воздействию, а предмет, который помещают в контейнер:

(22) *Той веднага прегледал записите от камери и видял как младото момче **мушка** в джоба си нажитите* [Sketch Engine]. 'Он сразу же посмотрел на камеру и увидел, как мальчик **сует** свои драгоценности в карман.'

Аналогичный сдвиг встречается и у русского *тыкать*, и у его украинского когната *тикати*, ср. исходные употребления типа русск. *тыкать соседа карандашом* или укр. *пальцем **тикаючи** у Варин живит* 'тыча пальцем в Варин живот' и производные (23)–(24):

(23) *Владимир Васильич Бугаев является редко из Питера; явный чудаки: с видом взъерошенного конспиратора и нигилиста шестидесятых годов, весьма бедно одетый и весьма заносчиво нас оглядывающий, **тыкающий** окурки не в пепельницу, а в цветочную вазу: с явною демонстрацией* [Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)].

(24) *Добродушному вусачеві забалося віддячити мені, і він почав **тикати** мені в руку срібного карбованця* [К.І. Чуковский. Срібний герб (І. Шербина, 1963)]. 'В порыве благодарности добродушный усач стал **совать** мне в руку серебряный рубль.'

Такие употребления отмечаются в толковых словарях (см., в частности, 4-е значение глагола *тыкать* в [20] и приводимый там пример *тыкать топор за пояс*), однако по крайней мере для русского языка являются, по-видимому, устаревающими: подобные контексты в НКРЯ датируются преимущественно XIX веком. И тем не менее для нашего исследования принципиально важна сама типологическая возможность такого рода переходов: она сближает две разные глагольные зоны, иллюстрируя нечеткость границ между еще одной парой семантических полей.

4. Диахронические изменения

Типологический подход к изучению лексики обычно подразумевает исследование структуры семантических полей разных языков с точки зрения их синхронной организации. Объектом сопоставления является то, какие значения в рамках семантического поля противопоставлены друг другу, а какие — объединяются в одной лексеме. При этом, как правило, не поднимается вопрос о самих лексемах, т.е. о том, как они исторически приходят к тому спектру значений, который характерен для них на синхронном уровне. Между тем, если материалом анализа становятся родственные языки, то такая постановка проблемы напрашивается сама собой. Действительно, в тех случаях, когда одно и то же значение в генетически близких идиомах выражается разными корнями или когда когнаты покрывают несовпадающие участки поля, неизбежно возникает вопрос о причинах расхождений, иными словами — о семантических процессах, обусловивших развитие разных структур из единой системы-предка. Из работ этого направления на славянском материале отметим прежде всего многолетние исследования Н.И. и С.М. Толстых (см., например, [36]; [37]).

Рассматриваемое поле толкания тоже любопытно в отношении диахронии. Здесь мы остановимся на рефлексах одного корня — праславянского **tǫkati* — в разных славянских языках — и проследим семантические связи между ними. Согласно словарю М. Фасмера (см. [30]; [31]), этот корень этимологически соотносится с латышским *tūkāt*, *-āju*, *tūcīt* 'месить, давить' и древневерхненемецким *dūhen* 'давить'. Таким образом, за пределами славянского ареала этот корень ассоциируется с идеей применения силы, однако не выражает перемещения.

Среди славянских рефлексов этого корня в словаре приводятся рус. *тыкать*, укр. *тикати* 'тыкать', болг. *тикам* 'пихаю, втыкаю', чеш. *tykati se* 'касаться, относиться', польск. *tykać się* 'касаться, дотрагиваться', в.-луж. *tykać* 'совать, тыкать', н.-луж. *tykaś* 'трогать, толкать, тыкать'. Примечательно, что весь этот — относительно разнородный — список значений легко систематизируется посредством тех моделей смежности, которые мы описали в Разделе 3. Рассмотрим подробнее значения этого корня в языках нашей выборки.

Если в качестве точки отсчета принять прототипическое значение глаголов исследуемого поля — ситуацию, когда субъект воздействует (обычно с применением силы) на тяжелый объект при помощи рук с целью переместить его и

в процессе перемещения сам двигается вместе с ним, — то ближе всего к этой семантике окажется болгарский глагол *тикам*. Как мы отмечали в Разделе 3.2, эта лексема — наряду с *бутам* — относится к ядру анализируемого поля. Различие между двумя глаголами, по свидетельству носителей, отчасти имеет стилистическую природу (*тикам* в большей степени характерен для разговорной речи); кроме того, *тикам* предпочтителен в сочетании с объектами, имеющими колеса:

(25) *После улови ръчките на количката и търти да бяга, тикайки я пред себе си* [Sketch Engine]. 'Затем он схватился за ручки коляски и побежал, толкая ее перед собой.'

Русский *тыкать* и украинский *тикати* гораздо дальше отстоят от прототипического толкания, чем их болгарский когнат. Синхронно их центральное значение — воздействие на объект при помощи острого инструмента (см. (26), (27)) — попадает в другое семантическое поле, но при этом в точности повторяет результат синхронного сдвига, который мы наблюдали у польского *pchać* в 3.1. Связь с толканием здесь прослеживается за счет того, что воздействие в качестве начальной фазы входит в структуру события 'толкать'. При этом, как мы отмечали, семантика воздействия не подразумевает перемещения пациенса. Кроме того, в отличие от прототипического толкания, действие здесь осуществляется инструментом, а не руками.

(26) *Фехтовать умеете? — Нет. — Одевайтесь, буду учить. И с полчаса [Борисов] учил Карташева, немилосердно тикая его рапирой* [Н.Г. Гарин-Михайловский. Студенты. Инженеры. (1988)].

(27) *Скільки потрібно варити картоплю залежить від розміру шматків, на які ви її порізали і від розміру ємності. <...> Не потрібно тикати в неї ножом або паличкою, просто наколіть шматочок зверху і спробуйте на смак* [Sketch Engine]. 'Сколько нужно варить картофель, зависит от размера кусков, на которые вы ее порезали, и от размера емкости. <...> Не нужно тыкать в него ножом или палочкой, просто наколите кусочек сверху и попробуйте на вкус.'

Семантика чешского и польского когнатов еще дальше отстоит от прототипического толкания, тем не менее и они соотносятся с моделью смежности, которую мы обсуждали в 3.1. Интересно, что у М. Фасмера приводятся только возвратные формы этих глаголов, хотя польский *tykać* встречается и в контекстах без частицы *się*. *Tykać* выражает идею нейтрального (т.е. уже не агрессивно-го, в отличие от русского и украинского аналогов) контакта, ср. рус. *трогать, прикасаться*. Правда, в современном языке это значение отрицательно поляризовано и реализуется преимущественно

в сочетании с наименованиями продуктов ('мясо', 'сладости') или алкогольных напитков — речь тем самым идет о неупотреблении субъектом в пищу данного вида еды, ср.:

(28) *W moim przypadku jest tak, że nie tykam żadnych słodyczy, fast food'ów, białego pieczywa i ryżu* [Sketch Engine]. 'В моем случае так — я не прикасаюсь ни к каким сладостям, фастфудам, выпечке из белой муки и рису.'

В подобных контекстах глагол не буквально выражает семантику контакта, однако это употребление производно именно от нее. Еще заметнее семантический сдвиг для чешского *týkati se*: здесь имеется в виду только метафорическое касание, т.е. затрагивание (например, в разговоре) некоторой тематики, релевантность той или иной сущности для объекта, ср.:

(29) *Změny se týkají pouze autobusové dopravy* [Sketch Engine]. 'Изменения касаются только автобусного транспорта.'

По всей вероятности, современным употреблением польского и чешского глаголов предшествовала семантика физического контакта (синхронно более ощутимая в польском и менее — в чешском). В свою очередь, контакт, как мы обсуждали, является начальной фазой для ситуации толкания, так что семантическая связь польского и чешского когнатов с болгарским прототипом построена на том же механизме, что и связь болгарского с русским и украинским. Заметим, однако, что касание семантически дальше отстоит от толкания, чем агрессивное воздействие: в случае касания из ситуации уходит свойственная толканию идея применения силы, которая в семантике воздействия еще сохраняется.

Любопытно, что все три значения, которые мы обсуждали до сих пор — толкание, агрессивное воздействие и касание — совмещены, по данным Фасмера, в нижнелужицкой лексеме *tykaś* 'трогать, толкать, тыкать'. К сожалению, у нас нет доступа к нижнелужицким языковым данным, тем не менее этот набор значений может служить еще одним — пусть и косвенным — свидетельством смежности обсуждаемых языковых полей.

Наконец, обратим внимание на одно из значений, указанных в словаре для верхнелужицкого *tykać*, а именно 'совать'. Если эта семантика действительно характерна для данной лексемы (вспомним также семантику помещения в контейнер, которую мы отмечали для болгарского *тикам*, а также — как несколько устаревшую — для русского *тыкать* и украинского *тикати*), то мы здесь наблюдаем смежность, основанную

на профилировании уже не начальной, а конечной фазы ситуации.

Таким образом, диахронически на материале глаголов, восходящих к одному и тому же корню, мы можем наблюдать реализацию всех моделей смежности, которые мы синхронно выявляли по данным разных лексических единиц.

5. Заключение

На первый взгляд кажется, что толкание представляет собой довольно простую ситуацию: субъект перемещает объект перед собой. Между тем, рассмотренные в настоящей работе данные показывают, что эта ситуация включает в себя множество дополнительных смыслов, которые обуславливают смежность рассматриваемой зоны с другими полями. В частности, помимо собственно перемещения, толкание предполагает предшествующую стадию (контакт субъекта с объектом) и результат (объект оказывается в конечной точке, это состояние оказывается значимым, если в роли конечной точки выступает контейнер). Этим смыслом — контакту и помещению в контейнер — в традиционной таксономии семантических полей соответствуют отдельные зоны, тем самым развитие у глагола с прототипической семантикой 'толкать' одного из этих значений свидетельствует о нарушении границ между полями. Существенно, что это нарушение не подразумевает метафорического сдвига: речь не идет о проецировании семантики зоны толкания, скажем, на зону контакта. В этом случае мы имеем дело с принципиальной нечеткостью межполевых границ.

Эту нечеткость мы наблюдали, во-первых, на синхронном материале: глаголы толкания распространяются, с одной стороны, на ситуации контакта — прежде всего агрессивного воздействия при помощи инструмента, а с другой — на помещение в контейнер. Заметим, что в каждом случае в этой "новой" для глагола зоне могут функционировать специальные глаголы (ср. рус. *тыкать* для агрессивного воздействия, *совать* для контейнера) — отдельного исследования требует вопрос о том, как изменяется семантика этих специальных глаголов, если в их зону "вторгается" лексема 'толкать'.

Во-вторых, о нечеткости границ между полями свидетельствуют и диахронические данные. Здесь на материале глаголов, восходящих к одному корню, мы в исторической перспективе обнаружили те же модели смежности, что и в синхронных данных. Более того, этот материал отразил следующий этап, по которому могут развиваться глаголы

поля в зоне контакта — а именно стирание идеи силы, характерной для семантики агрессивного воздействия, и сдвиг в сторону нейтральных глаголов контакта типа 'касаться'.

Таким образом, анализ зоны толкания наглядно показывает, что семантические поля не существуют независимо друг от друга, а пересекаются и накладываются одно на другое за счет смежности соответствующих им ситуаций. Эффективным способом обнаружения таких пересечений является сравнительное исследование семантики когнатов и — шире — типологический подход к изучению лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
2. *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg: C. Winter, 1931.
3. *Geckler H.* Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie. München: Wilhelm Fink, 1971.
4. *Rundblad G., Kronenfeld D.* The Semantic Structure of Lexical Fields: Variation and Change // R. Eckardt, K. von Heusinger, Ch. Schwarze (eds.), Words in Time. Diachronic semantics from different points of view. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. Pp. 67–114.
5. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. *Рахилина Е.В., Некушоева Ш.С.* Система глаголов движения вниз в шугнанском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. Т. XVI (1). С. 579–609.
7. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.)* Типология глаголов падения. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Спец. выпуск. 2020. Т. XVI (1).
8. *Резникова Т.И., Рыжова Д.А.* Несемантические позы: типологический аспект // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плуменя. М.: Буки Веди, 2020. С. 309–317.
9. *Савельева А.Ю.* Глаголы семантических зон 'толкать' и 'тянуть' в типологической перспективе // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии: Сборник научных трудов. Вып. 6. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 142–152.
10. *Прокофьева И.А., Рахилина Е.В.* Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60–78.

11. Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В.Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 304–312.
12. Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Диссертация ... канд. филол. наук. МГУ, 2013.
13. Majid A., Gullberg M., van Staden M., Bowerman M. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages // *Cognitive Linguistics*. 2007. № 18 (2). Pp. 133–152.
14. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
15. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>
16. Sketch Engine – Text Corpus Query System for All. URL: <https://www.sketchengine.eu/>
17. ruSkell – учебный корпус русского языка на платформе Sketch Engine. URL: <https://ruskell.sketchengine.co.uk/run.cgi/skell>
18. Национальный корпус чешского языка. URL: <https://ucnk.ff.cuni.cz/cs/>
19. MOVA – корпус текстов украинского языка. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx>
20. Малый академический словарь (MAC). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
21. Толковый словарь болгарского языка. URL: <https://rechnik.chitanka.info/>
22. Собрание толковых словарей сербского языка. URL: <http://raskovnik.org/>
23. Glosbe – мультязычный онлайн-словарь. URL: <https://ru.glosbe.com/>
24. Справочник чешского языка: лексический архив. URL: <https://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>
25. Словарь современного чешского языка. URL: <https://www.nechybujte.cz/>
26. Толковый словарь хорватского языка. URL: <https://rjecnik.hr/>
27. Толковый словарь польского языка. URL: <https://wsjp.pl/>
28. Толковый словарь македонского языка. URL: <http://www.makedonski.info/>
29. Толковый словарь украинского языка. URL: <http://www.inmo.org.ua/sum.html>
30. Собрание этимологических словарей славянских языков. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/>
31. Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/>
32. Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // K.-U. Panther, G. Radden (eds.), *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1999. Pp. 17–59.
33. Peirsman Y., Geeraerts D. Metonymy as a prototypical category // *Cognitive Linguistics*. 2006. № 17 (3). Pp. 269–316.
34. Рахилина Е.В. Стилистически маркированные глаголы в русском языке: совать – сунуть // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 73–92.
35. Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
36. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
37. Толстой Н.И. Избранные труды. Т. III: Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999.

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. (In Engl.)
2. Trier, J. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: die Geschichte eines sprachlichen Feldes*. Heidelberg: C. Winter, 1931. (In Germ.)
3. Geckler, H. *Strukturelle Semantik und Wortfeldtheorie*. München: Wilhelm Fink, 1971. (In Germ.)
4. Rundblad, G., Kronenfeld, D. The Semantic Structure of Lexical Fields: Variation and Change. R. Eckardt, K. von Heusinger, Ch. Schwarze (eds.), *Words in Time. Diachronic semantics from different points of view*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003, pp. 67–114. (In Engl.)
5. Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models of Lexical Semantics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury Publ., 2004. (In Russ.)
6. Rakhilina, E.V., Nekushoeva Sh.S. *Sistema glagolov dvizheniya vniž v shugnanskom yazyke* [Verbs of Downward Motion in Shughni]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. 2020, Vol. XVI (1), pp. 579–609. (In Russ.)
7. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I., Ryzhova, D.A. *Tipologija glagolov padenija* [Typology of Verbs of Falling]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij* [Transactions of the

- Institute for Linguistic Studies]. A Special Issue. 2020, Vol. XVI (1). (In Russ.)
8. Reznikova, T.I., Ryzhova, D.A. *Nesemioticheskie pozy: tipologicheskij aspekt* [Non-Semiotic Poses: A Typological Perspective]. *VAProsy jazykoznanija: Megashbornik nanostatej. Sb. st. k jubileju V.A. Plungjana* [Topics in the Study of Language: Mega-Collection of Nano-Papers. Festschrift for V.A. Plungian]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2020, pp. 309–317. (In Russ.)
 9. Savelieva, A.Yu. *Glagoly semanticheskikh zon "tolkat" i "tyanut" v tipologicheskoy perspektive* [Verbs of Pushing and Pulling in a Typological Perspective]. *Problemy kompjuternoj lingvistiki i tipologii: Sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Computational Linguistics and Typology: Collection of Scientific Papers]. Voronezh, Izdatelskij dom VGU Publ., 2017, pp. 142–152. (In Russ.)
 10. Prokofjeva, I.A., Rakhilina, E.V. *Rodstvennye yazyki kak objekt leksicheskoy tipologii: russkie i polskie glagoly vrashcheniya* [Related languages as an object of lexical typology: Russian and Polish verbs of rotation]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2004, No. 1, pp. 60–78. (In Russ.)
 11. Rakhilina, E.V., Prokofjeva, I.A. *Russkie i polskie glagoly kolebatelnogo dvizheniya: semantika i tipologiya* [Russian and Polish Verbs of Oscillation: Semantics and Typology]. V.N. Toporov (ed.). *Yazyk. Lichnost. Tekst. Sb. k 70-letiju T.M. Nikolaevoy* [Language. Personality. Text. Festschrift in honour of the 70th Birthday of T.M. Nikolayeva]. Moscow, Jazyki slavjanskikh kultur Publ., 2005, pp. 304–312. (In Russ.)
 12. Kashkin, E.V. *Jazykovaja kategorizacija faktury poverhnostej (tipologicheskoe issledovanie naimenovaniy kachestvennykh priznakov v uralskikh jazykah)* [Linguistic Categorization of Surface Texture (Typological Study of the Terms of Qualitative Features in the Uralic Languages)]. PhD dissertation. Moscow State University, 2013. (In Russ.)
 13. Majid, A., Gullberg, M., van Staden, M., Bowerman, M. How similar are semantic categories in closely related languages? A comparison of cutting and breaking in four Germanic languages. *Cognitive Linguistics*. 2007, № 18 (2), pp. 133–152. (In Engl.)
 14. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. *Frejmovyj podhod k leksicheskoy tipologii* [A Frame-Based Approach for Lexical Typology]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2013, No. 2, pp. 3–31. (In Russ.)
 15. Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>
 16. Sketch Engine – Text Corpus Query System for All. URL: <https://www.sketchengine.eu/>
 17. ruSkell – Sketch Engine for Learners of Russian. URL: <https://ruskell.sketchengine.co.uk/run.cgi/skell>
 18. Czech National Corpus. URL: <https://ucnk.ff.cuni.cz/cs/>
 19. MOVA – Ukrainian Text Corpus. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx>
 20. Small Academic Dictionary (MAS). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
 21. Explanatory Dictionary of Bulgarian. URL: <https://rechnik.chitanka.info/>
 22. Collection of Explanatory Dictionaries of Serbian. URL: <http://raskovnik.org/>
 23. Glosbe – A Multilingual Online Dictionary. URL: <https://ru.glosbe.com/>
 24. Directory of the Czech Language: Lexical Archive. URL: <https://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>
 25. Dictionary of the Modern Czech. URL: <https://www.nechybujte.cz/>
 26. Explanatory Dictionary of Croatian. URL: <https://rjecnik.hr/>
 27. Explanatory Dictionary of Polish. URL: <https://wsjp.pl/>
 28. Explanatory Dictionary of Macedonian. URL: <http://www.makedonski.info/>
 29. Explanatory Dictionary of Ukrainian. URL: <http://www.inmo.org.ua/sum.html>
 30. Collection of Etymological Dictionaries of Slavic Languages. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/>
 31. Lexicographic Web Portal: Online Dictionaries of Russian. URL: <https://lexicography.online/>
 32. Radden, G., Kövecses, Z. Towards a Theory of Metonymy. K.-U. Panther, G. Radden (eds.), *Metonymy in Language and Thought*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1999, pp. 17–59. (In Engl.)
 33. Peirsman, Y., Geeraerts, D. Metonymy as a prototypical category. *Cognitive Linguistics*. 2006, № 17 (3), pp. 269–316. (In Engl.)
 34. Rakhilina, E.V. *Stilisticheski markirovannye glagoly v russkom yazyke: sovat' – sunut'* [Stylistically Marked Verbs in Russian: sovat' – sunut']. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology]. 2015, No. 3 (35), pp. 73–92. (In Russ.)
 35. Goldberg, A. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. (In Engl.)
 36. Tolstaya, S.M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshcheslavjanskoy perspektive* [The Space of the Word. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008. (In Russ.)
 37. Tolstoy, N.I. *Izbrannye trudy. Ocherki po slavjanskomu jazykoznaniju* [Selected Works. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow, Jazyki russkoj kultury Publ., 1999. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 11 июля 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 сентября 2021 г.
Статья принята к публикации: 15 сентября 2021 г.
Дата публикации: 31 октября 2021 г.*

*Received by Editor on July 11, 2021
Revised on September 5, 2021
Accepted on September 15, 2021
Date of publication: October 31, 2021*